

ШЛЕМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ С КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЮВАНАЯГ

© 2024 г. А. Л. Белицкая^{1,*}, Е. В. Попов^{1,**}, В. И. Силаев^{2,***},
В. Н. Филиппов^{2,****}, А. Ф. Хазов^{2,*****}

¹Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми
научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

²Институт геологии им. Н.П. Юшкина Федерального исследовательского центра Коми
научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия

*E-mail: belitskaia522@yandex.ru

**E-mail: evpopovich@bk.ru

***E-mail: silaev@geo.komisc.ru

****E-mail: filippov@geo.komisc.ru

***** E-mail: akhazov@geo.komisc.ru

Поступила в редакцию 17.03.2023 г.

После доработки 20.07.2023 г.

Принята к публикации 17.10.2023 г.

В статье вводятся в научный оборот первые результаты исследования железного шлема, найденного в 2022 г. на территории курганного могильника Юванаяг в бассейне р. Вычегда в Республике Коми. Могильник принадлежит кругу памятников типа Веслянского I могильника, оставленных мигрантами с развитой воинской культурой, отличительной особенностью которых была традиция сооружения насыпей над могилами. Некрополи являются отражением позднего этапа эпохи Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке (V–VII вв.). Найденный шлем типа бандхельм (по классификации К. Микса) представляет уникальный для региона экземпляр, не имеющий также аналогов на сопредельных территориях. По данным минералогических исследований шлем железный с микровключениями самородного алюминия и бурого углеродного вещества. Накладки на шлеме – латунные с включениями свинцово-медно-цинковых сплавов и меди. Своей вытянутой формой и декором полусферическими латунными накладками он близок шлемам Сасанидского Ирана. Территориально ближайшая аналогия юванаягской находке – бандхельм из грабительских раскопок у с. Царицыно Рязанской области. Предварительная датировка находки с Юванаягского могильника – конец IV–V в.

Ключевые слова: защитное снаряжение, курганный могильник, европейский Северо-Восток, бассейн р. Вычегда, Великое переселение народов, Сасанидский Иран, минералогический анализ.

DOI: 10.31857/S0869606324010129, EDN: ZVSVLH

Летом 2022 г. Нившерским археологическим отрядом (под руководством Е.В. Попова) Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра Коми научного центра (далее – ИЯЛИ ФИЦ КНЦ) УрО РАН проводились разведочные работы в долинах р. Вишера (правый приток р. Вычегда) и ее левого притока – р. Нившера. Их целью был мониторинг современного состояния и уточнение сведений об известных объектах археологического наследия. В процессе работ

на Юванаягском могильнике велась съемка инструментального ситуационного плана территории памятника, в ходе которой на склоне террасы обнаружены железный шлем и миска из цветного металла. Вероятнее всего, предметы были перенесены сюда и сокрыты во время раскопок могильника.

Юванаягский курганно-грунтовой могильник расположен в 2 км к востоку – юго-востоку от д. Ивановка Корткеросского р-на Республики

Коми, на левобережье р. Нившера. Он занимает участок первой надпойменной “боровой” террасы, примыкающей с юга к старичному оз. Ивкаты (рис. 1). Выявлен сотрудником отдела археологии Института Л.И. Ашихминой в 1986 г. и исследовался ею же в 1987–1988 гг. Вскрыто 9 насыпей, 23 погребения, из которых 2 – грунтовые, 3 – организованы в канавках (рис. 2, 1).

Погребальный обряд могильника своеобразен (Ашихмина, 1989; Белицкая, 2015а). Его отличительная черта – традиция сооружения насыпей над погребениями. Курганы расположены двумя рядами вдоль берега озера (рис. 2, 1). Форма овальная и округлая, высота варьирует в пределах 0.1–0.5, размеры – 4–14.5 × 3–6 м, под ними находилось 1–6 погребений. Для более ранних курганов характерен больший размер. Они окружены канавками и ямами, из которых брался грунт для сооружения насыпи, разокнутыми с юга, со стороны водоема.

Могильные ямы овальной (18)¹ и прямоугольной (3) форм, простые и с заплечиками (7), стенки ям наклонные и отвесные. Характерно наличие внутримогильных конструкций на дне (16), деревянных перекрытий ям (6) и бересты (10), которая выступала и как самостоятельный элемент погребального обряда, и сопровождала погребальную конструкцию. Внутримогильные сооружения представлены лодкой, колодой, гробовищем, настилами из плах; часть обуглена (Белицкая, 2015б. С. 8). На перекрытиях камер погребений курганов V–VII расчищен тлен от костяков животных (коней?), уложенных головой к югу (Ашихмина, 1989. С. 4).

Способ захоронения умерших – ингумация. Костные останки практически не сохранились, поэтому половозрастные определения невозможны. По костному тлену и расположению вещей установлено, что умершие лежали вытянуто на спине, головой к воде. В одном случае Л.И. Ашихмина предполагает кремацию (погребение кург. IV) (Ашихмина, 1987. Л. 13).

Сопровождающий инвентарь представлен оружием (меч, кинжал с ножами), защитным снаряжением (кольчуги), украшениями (бусы, височные кольца, гривна), предметами костюма (обувные и поясные пряжки, наколенники ремней), ножами, предметами культа

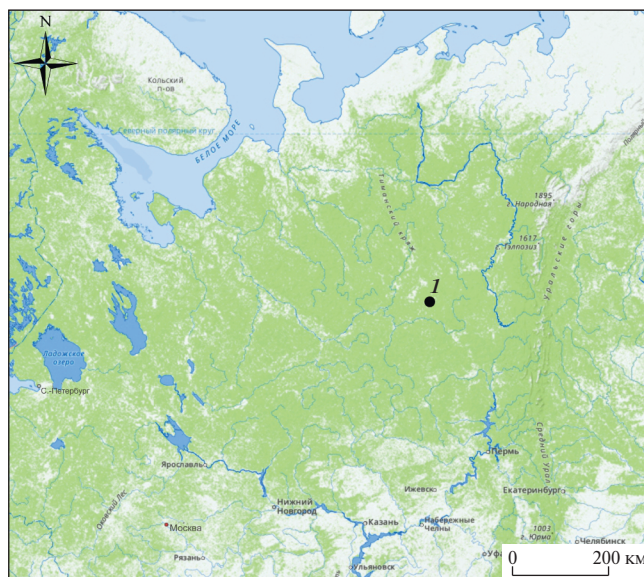


Рис. 1. Местоположение могильника Юванаяг (1).

Fig. 1. The location of the Yuvanayag mound cemetery (1)

(деревянная чаша), керамической посудой, поставленной вверх дном на уровне древней дневной поверхности.

Большая часть погребений (17) – со следами вторичных проникновений и разрушений. Эта характерная для курганных некрополей черта связана как с грабительской деятельностью, так и с постпогребальными обрядами, что обуславливает разный характер нанесенного ущерба (подробнее см. Ашихмина, 2003; Белицкая, 2016).

Облик инвентаря позволил предварительно датировать Юванаягский могильник концом V–VI в. (Ашихмина, 1989. С. 5). Своеобразие погребального обряда, в первую очередь традиция сооружения насыпей, указывает на то, что он, как и другие курганные могильники европейского Северо-Востока, был оставлен группой иноэтничного населения. Могильники отражают поздний этап (V–VII вв.) эпохи Великого переселения народов. Одним из авторов рассмотрен вопрос об их культурном единстве: предложено выделить могильники в отдельную группу – памятники типа Веслянского I могильника (Белицкая, 2015а). Их появление объясняется продвижением из Верхнего Прикамья групп мигрантов с развитой воинской культурой. Одно из доказательств этого – уникальная для региона находка шлема. Боевые наголовья неизвестны на европейском Северо-Востоке ни в предшествующие, ни в последующие

¹ В скобках указано количество погребений.

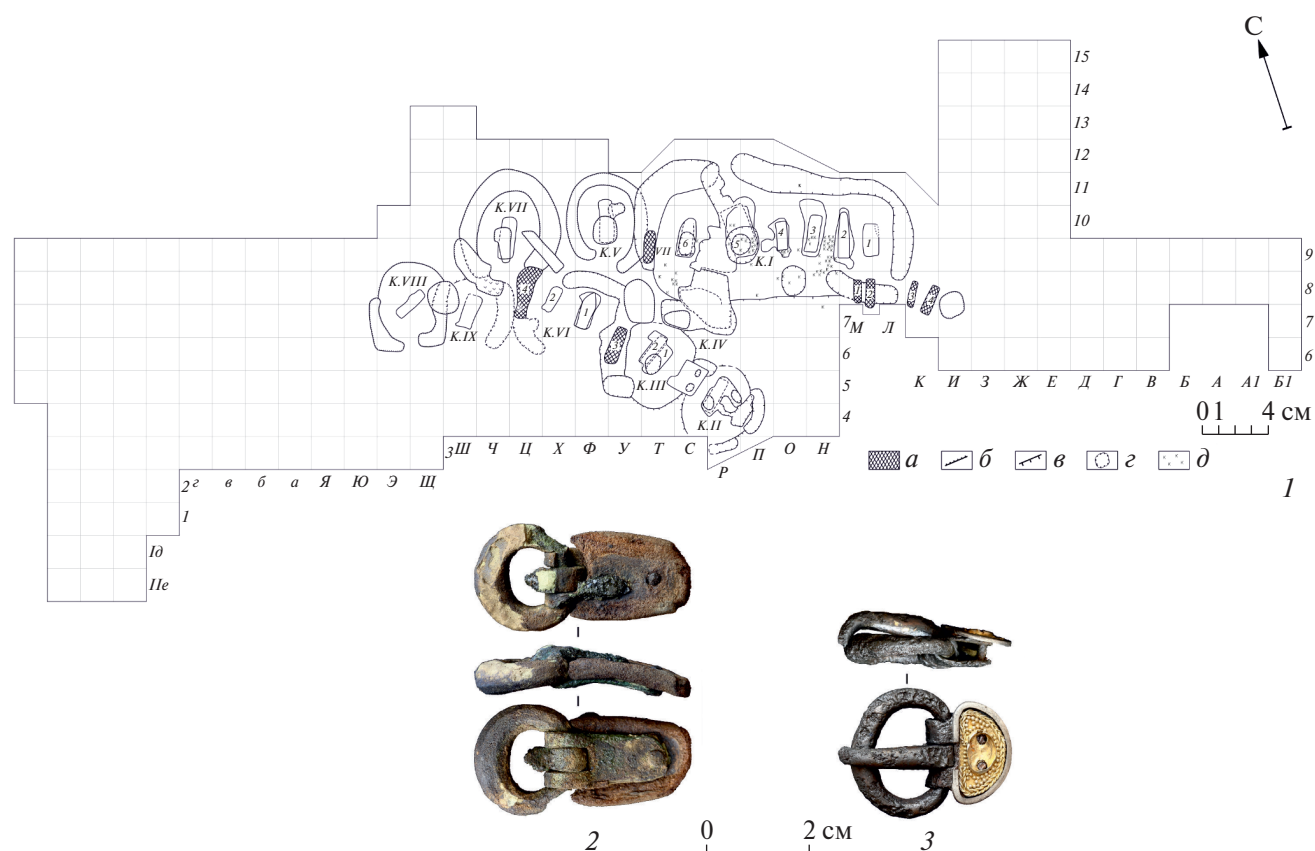


Рис. 2. Могильник Юванаяг. 1 — план раскопа могильника Юванаяг; 2 — обувная пряжка; 3 — поясная пряжка (обе находки — погр. 5, к. I). Условные обозначения: а — впускные и грунтовые погребения; б — курганные ямы-канавки; в — курганная насыпь; г — грабительские вкопы, ямы от деревьев; д — фрагменты кольчуги. Здесь и далее фотографии Е.В. Попова.

Fig. 2. The Yuvanayag mound cemetery (plan) and finds from burial 5 in mound I

периоды истории. Цель данной публикации — введение в научный оборот первых результатов его исследования.

Шлем железный, вытянутый, уплощен с боков, купол собран из двух половин (рис. 3). Высота — 18 см, диаметр основания — 19. Изделие сильно разрушено, сохранились задняя часть левой половины купола и большая часть обода. Ширина обода — 6 см, концы соединены между собой сзади. Левый и правый сегменты купола не примыкают друг к другу, а удерживаются продольной полосой (рис. 4, 2). Ширина основания полосы, соединяющей половины купола, — 7.5 см, кверху она сужается. Способ крепления частей — клепка при помощи мелких железных штифтов, которые видны по верхнему краю обода и с внутренней стороны шлема (рис. 4, 1). В качестве декоративного элемента использованы полусферические бляшки-накладки диаметром 0.5 см (рис. 4, 3). Сзади и по бокам шеи

владельца защищала бармица, от которой остались отдельные кольца, их внешний диаметр — 1.1 см, внутренний — 0.6 (рис. 4, 4).

Исследование материалов шлема проведено в Институте геологии им. Н.П. Юшкина ФИЦ КНЦ УрО РАН. В ходе исследований использовались рентгеновская дифрактометрия (Shimadzu XRD-6000); термический анализ (DTG-60A/60AH Shimadzu); рентгенофлуоресцентный анализ (Shimadzu XRF-1800); определение валового содержания углерода методом кулонометрического титрования по величине pH (Ан-7529М); аналитическая сканирующая электронная микроскопия (JSM-6400 Jeol); изотопная спектрометрия (Delta V + (Finnigan) с элементным анализатором Flash EA-HT 1112 и газовым коммутатором Confo IV). Анализировались сам шлем и накладки на него (рис. 5).



Рис. 3. Шлем могильника Юванаяг. 1 – вид сзади; 2 – вид спереди.

Fig. 3. A helmet from the Yuvanayag mound

Результаты исследования материала шлема.

По валовому химическому составу шлем железный с незначительными примесями (мас. %): Fe = 92.26, Al = 1.02, Cu = 0.21, As = 0.17, SiO₂ = 2.57, CaO = 0.4, K₂O = 0.04, P₂O₅ = 0.33. Фазовая диагностика осуществлялась рентгеноспектральным микрозондовым методом по энергодисперсионным спектрам (рис. 6). Основная часть шлема сложена α-железом состава Fe_{0.99–1}Cu_{0–0.01}, в качестве микрофазной примеси в нем установлены субмикронные включения самородного алюминия состава Al_{0.94–0.96}Cu_{0.02–0.05}Fe_{0–0.01} (табл. 1). Эта примесь



Рис. 4. Детали шлема. 1 – способ крепления частей шлема; 2 – способ крепления сегментов купола; 3 – накладки на куполе; 4 – накладки на ободу и элементы бармицы.

Fig. 4. Helmet details

может свидетельствовать о том, что в качестве сырья при выплавке железа использовались оолитовые или болотные железные руды с нагреванием, по крайней мере, до 800 °С, в процессе которого происходили последовательные превращения: FeO(OH)nH₂O и AlO(OH)nH₂O → FeO(OH) и AlO(OH) → Fe₂O₃ и Al₂O₃ → Fe и Al.

На поверхности шлема железо в условиях захоронения подверглось гидролитическому окислению с образованием гидрогетита FeO(OH)nH₂O и гетита (Fe_{0.99}Cu_{0.01})O(OH). Эти фазы хорошо диагностируются термическим анализом (рис. 7). На кривых нагревания гидрогетиту отвечает эндотермический пик при 100–115 °С, а гетиту – при 275–285 °С. Массовое отношение гидрогетит / гетит в продуктах

Таблица 1. Химический состав (масс. %) и кристаллохимические формулы металлических фаз воинского шлема
Table 1. Chemical composition (weight %) and crystal chemical formulas of the metal phases of the helmet

№ п/п	Fe	Cr	Cu	Zn	Pb	Al	Эмпирические формулы
1	100	н/о	н/о	н/о	н/о	н/о	Fe
2	98.59	—“—	1.41	—“—	—“—	—“—	Fe _{0.99} Cu _{0.01}
3	100	—“—	н/о	—“—	—“—	—“—	Fe
4	100	—“—	“	—“—	—“—	—“—	Fe
5	100	—“—	“	—“—	—“—	—“—	Fe
6	100	—“—	“	—“—	—“—	—“—	Fe
7	2.69	—“—	4.5	1.33	0.79	90.69	Al _{0.96} Cu _{0.02} Fe _{0.01} (Zn,Pb) _{0.01}
8	1.16	—“—	11.09	0.79	н/о	86.96	Al _{0.94} Cu _{0.05} Fe _{0.01}
9	1.14	—“—	9.48	0.94	н/о	88.44	Al _{0.95} Cu _{0.04} Fe _{0.01}
Среднее	1.66	0	8.36	1.02	0.26	88.7	Al _{0.94–0.96} Cu _{0.02–0.05} Fe _{0–0.01} (Zn,Pb) _{0–0.01}
СКО	0.89		3.44	0.28	0.46	1.88	
10	н/о	н/о	80.21	18.86	0.93	н/о	Cu _{0.81} Zn _{0.19}
11	—“—	—“—	72.36	27.64	н/о	—“—	Cu _{0.73} Zn _{0.27}
12	—“—	—“—	79.2	20.21	н/о	—“—	Cu _{0.8} Zn _{0.2}
13	—“—	—“—	79.66	19.14	1.2	—“—	Cu _{0.81} Zn _{0.19}
14	—“—	—“—	77.35	19.44	3.21	—“—	Cu _{0.79} Zn _{0.2} Pb _{0.01}
Среднее	0	0	77.14	21.61	1.1	2.06	Cu _{0.73–0.81} Zn _{0.19–0.27} Pb _{0–0.01}
СКО			3.34	4.05	1.51	4.61	
15	н/о	—“—	23.83	5.41	70.76	—“—	Cu _{0.47} Pb _{0.42} Zn _{0.1}
16	0.36	—“—	38.48	9.54	51.62	—“—	Cu _{0.66} Pb _{0.25} Zn _{0.15}
17	н/о	—“—	22.94	6.14	70.92	—“—	Cu _{0.45} Pb _{0.43} Zn _{0.12}
18	0.79	—“—	58.3	13.34	27.57	—“—	Cu _{0.72} Pb _{0.1} Zn _{0.17} Fe _{0.01}
Среднее	0.29	0	35.89	8.61	55.22	0	Cu _{0.45–0.72} Pb _{0.1–0.43} Zn _{0.1–0.17} Fe _{0–0.01}
СКО	0.37		16.55	3.63	20.54		
19	н/о	—“—	26.87	5.52	67.61	—“—	Pb _{0.67} Cu _{0.27} Zn _{0.06}
20	0.39	—“—	25.31	6.15	68.15	—“—	Pb _{0.4} Cu _{0.48} Zn _{0.11} Fe _{0.01}
Среднее	0.2	0	26.09	5.83	67.88	0	Pb _{0.4–0.67} Cu _{0.27–0.48} Zn _{0.06–0.11} Fe _{0–0.01}
СКО	0.27		1.1	0.45	0.38		
21	1.08	0	97.37	0.94	н/о	0.71	Cu _{0.96} Zn _{0.01} Al _{0.02} Fe _{0.01}

Примечание: железо (1–6), самородный алюминий (7–9), латунь (10–14), медно-свинцово-цинковый сплав (15–18), свинцово-медно-цинковый сплав (19–20), самородная медь (21). Среднее – среднеарифметическое, мас. %; СКО – среднее квадратическое отклонение; н/о – не обнаружено.

гидролиза железа варьируется в пределах 0.6–0.7. Кроме того, на кривых нагревания наблюдается малоинтенсивный эндотермический пик с максимумом при 400–420 °С, который отвечает выгоранию тонкодисперсного углеродного вещества, находящегося на стадии низших керитов-асфальтов. Содержание этого вещества в железном материале шлема по данным химического анализа оценивается в 0.01–0.05 мас. %, что соответствует данным об углеродистости археологического железа и его минимальному содержанию в современных сталях. По изотопному составу – $\delta^{13}\text{C}_{\text{PDB}} = -24.8...-24.59\text{‰}$ – примесь углеродного вещества в исследуемом шлеме в наибольшей степени соответствует древесным и бурым углям.

Результаты исследования материала накладок. Накладки на шлем имеют субизометричную

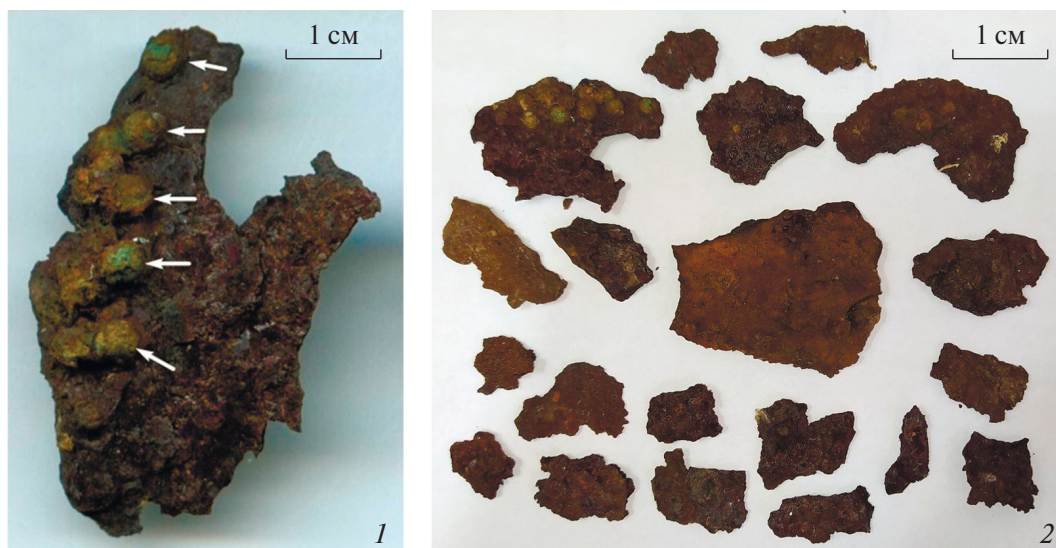


Рис. 5. Исследованные фрагменты шлема. 1 — латунные накладки (показаны стрелками); 2 — железные пластинки с основной части шлема.

Fig. 5. Investigated fragments of the helmet

форму и размер в пределах 4–5 мм. В их составе установлены преобладающая латунь сплава $\text{Cu}_{0.73-0.81}\text{Zn}_{0.19-0.27}\text{Pb}_{0-0.01}$ и микро-включения в нее медно-свинцово-цинковых и свинцово-медно-цинковых сплавов соответственно, $\text{Cu}_{0.45-0.72}\text{Pb}_{0.1-0.43}\text{Zn}_{0.1-0.17}\text{Fe}_{0-0.01}$ и $\text{Pb}_{0.4-0.67}\text{Cu}_{0.27-0.48}\text{Zn}_{0.06-0.11}\text{Fe}_{0-0.01}$, а также самородной меди $\text{Cu}_{0.96}\text{Zn}_{0.01}\text{Al}_{0.02}\text{Fe}_{0.01}$ (табл. 1). Упомянутые включения представлены частицами разной формы и размера (рис. 8). Для свинцово-медно-цинковых сплавов отмечаются две градации округлых частиц — преобладающая с варьированием частиц в пределах $(51 \pm 24) \times (30 \pm 19)$ мкм, и дополнительная с размером частиц $(1450 \pm 794) \times (525 \pm 263)$ мкм. Кроме того, в латунях наблюдаются редкие игольчато-волокнистые выделения размером $(20-25) \times (1-2)$ мкм. Самородная медь наблюдается в редких вытянутых зернах размером $(500-600) \times (200-250)$ мкм. Такой химический и фазовый состав хорошо согласуется с данными об археологических латунях.

На поверхности латунных накладок обнаружены так называемые зеленые продукты окисления преимущественно медьсодержащих металлических сплавов, сложенные, в рассматриваемом случае, малахитоподобными карбонатами (табл. 2). Составу последних отвечает брутто-формула $(\text{Cu}_{0.84-1.82}\text{Zn}_{0.08-0.7}\text{Fe}_{0.02-0.9}\text{Ca}_{0-0.02})_2[\text{CO}_3](\text{OH})_2$.

После окончания раскопок могильника Юванаяг в 1988 г. был сделан ряд аналитических исследований, в том числе спектральный анализ состава металлов (Ашихмина и др., 1988, 1990). К сожалению, в публикациях нет ссылки на то, какие предметы из каких объектов были взяты (только обобщенное перечисление категорий): в первой речь идет о трех вещах, во второй количество не указано (по устному сообщению одного из авторов, их было пять). Состав сплава всех находок одинаков — латунь со значительным количеством цинка (Ашихмина и др., 1988. С. 23).

Юванаягский могильник вместе с Шойнаягским (вещи из которого также были проанализированы) составляют раннюю хронологическую группу памятников (вторая половина V–VI в.), маркирующую первую волну миграций. Возможно, благодаря именно им на европейском Северо-Востоке появляются изделия из латуни, неизвестной местному ананьинско-гляденовскому населению (Ашихмина и др., 1990. С. 104).

Учитывая, что шлем — случайная находка, необходимо попытаться хотя бы приблизительно установить контекст его размещения до раскопок. На могильниках Волго-Камья первой половины I тыс., связанных с эпохой Великого переселения народов, находки шлемов сопровождалась оружием и защитным снаряжением — кольчугами и панцирями (Генинг,

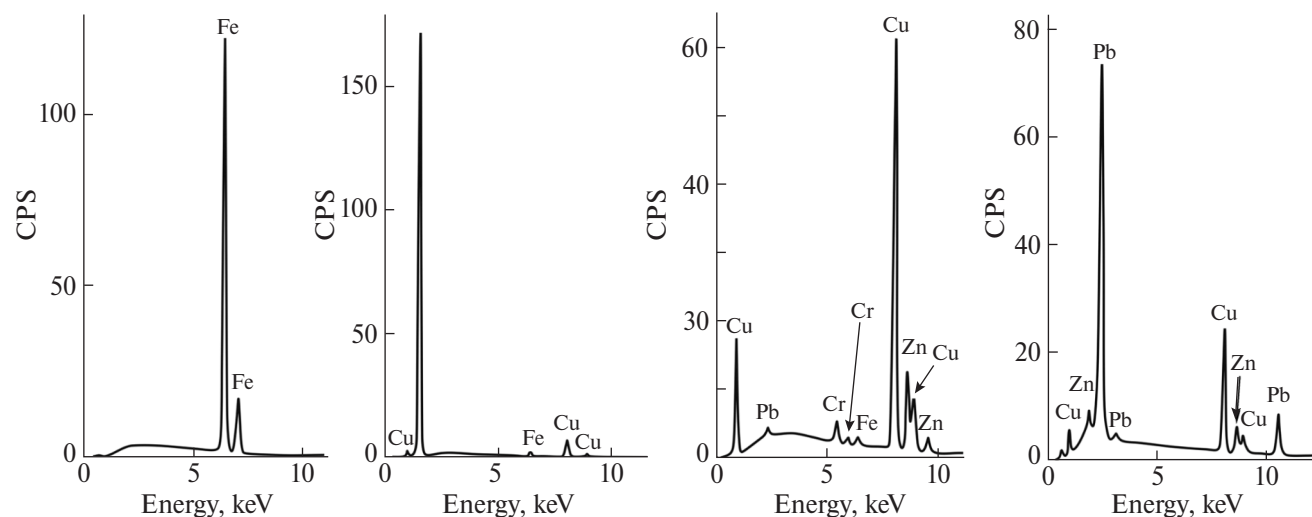


Рис. 6. Типичные энергодисперсионные спектры основных металлических фаз в составе шлема. 1 — железо; 2 — самородный алюминий; 3 — латунь; 4 — свинцово-медно-цинковый сплав.

Fig. 6. Typical energy-dispersive spectra of the main metal phases in the helmet

1963. С. 107–125; 1976. С. 67–76; Голдина, Волков, 2000. С. 104; Лещинская, 2014а. С. 23, 24; Казанцева, 2018). На Юванаяге в погребении кургана VII найден меч, фрагменты кольчуг сконцентрированы в кургане I: рядом с погр. 3 и в заполнении погр. 5 (рис. 2, 1).

Могильные ямы кургана I имеют заплечики с остатками деревянных перекрытий, в погр. 5 они выражены более четко, перекрытие носит следы огня. В камере погр. 3 на дне читался тлен от внутримогильной конструкции, камера погр. 5 была полностью облицована плахами по дну и стенкам. В заполнении погребения кургана VII обнаружены куски обугленного дерева, на дне — тлен от деревянной конструкции. Во всех трех погребениях использована береста, в нее были завернуты умершие. Могила разрушена в древности с юга, погр. 5, вероятно, неоднократно. Нарушения касаются области верхней части тела покойного.

В погр. 3 найдены обувные пряжки с остатками ремешков и железный нож. В погр. 5 сохранились поясная пряжка, инкрустированная золотой зернью со вставкой, обувные пряжки, фрагменты серебряного наконечника пояса. На древней дневной поверхности и в заполнении погребения кургана VII найдены фрагменты глиняного сосуда, на дне — обувные пряжки (Ашихмина, 1987. Л. 5–8).

Судя по инвентарю и более сложному устройству погребальной камеры, шлем мог находиться сбоку от умершего, в изголовье, в погр. 5 кургана I. Возможно, кольчуга была уложена рядом. Диаметр ее колец — 1,1 см.

Авторы воспользовались классификацией боевых наголовий, предложенной К. Миксом (Miks, 2009. S. 403). Шлем с Юванаягского могильника отнесен к типу бандхельм: его купол состоял из двух сегментов, скрепленных продольной полосой и усиленных ободом. В связи с уникальностью находки, поиск аналогий среди древностей I тыс. велся как к западу, так и к востоку от европейского Северо-Востока.

В Западной Сибири находки шлемов — большая редкость. Авторам известно пять экземпляров, датируемых I тыс., из которых два — из раскопок: из насыпи кургана II Релкинского и погр. 6 кургана 3 Исаковского-1 могильников (Чернецов и др., 1953. С. 162–164; Чиндина, 1977. С. 14; Ожередов, 1987. С. 115–119; Погодин, 1998. С. 60). Шлемы с цельнокованым (истяцкие, старицынский) и сегментным (релкинский) куполами, один — ламинарный (исаковский). Они имеют коническую (истяцкий), сфероконическую (исаковский) или сферическую форму; с нащечниками (исаковский), остатками бармицы (старицынский, исаковский, релкинский), окуляров и наносника (истяцкий), втулкой для султана (релкинский).

Таблица 2. Химический состав (масс. %) и кристаллохимические формулы малахитоподобных карбонатов, эпигенетически развивающихся по латуням, в накладках на шлем**Table 2.** Chemical composition (weight %) and crystal chemical formulas of malachite-like carbonates epigenetically developing on brass in the helmet overlays

CuO	ZnO	PbO	Fe ₂ O ₃	CaO	Эмпирические формулы
56.97	27.71	н/о	20.84	0.48	(Cu _{1.14} Zn _{0.42} Fe _{0.42} Ca _{0.02}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
42.1	12.12	—“—	44.89	0.89	(Cu _{0.84} Zn _{0.24} Fe _{0.9} Ca _{0.02}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
90.89	3.59	—“—	н/о	н/о	(Cu _{1.82} Zn _{0.08} Fe _{0.1}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
76.55	22.72	—“—	0.73	—“—	(Cu _{1.54} Zn _{0.442} Fe _{0.2}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
67.7	22.05	—“—	10.25	—“—	(Cu _{1.36} Zn _{0.44} Fe _{0.2}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
81.61	15.69	—“—	2.7	—“—	(Cu _{1.64} Zn _{0.32} Fe _{0.06}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
74.73	23.74	—“—	1.53	—“—	(Cu _{1.5} Zn _{0.46} Fe _{0.04}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
75.36	20.88	1.24	2.52	—“—	(Cu _{1.52} Zn _{0.42} Fe _{0.04} Pb _{0.01}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
53.66	35.81	н/о	10.53	—“—	(Cu _{1.08} Zn _{0.7} Fe _{0.11}) ₂ [CO ₃](OH) ₂
73.72	23.42	1.25	1.51	—“—	(Cu _{1.5} Zn _{0.46} Fe _{0.02} Pb _{0.02}) ₂ [CO ₃](OH) ₂

Примечание: н/о — не обнаружено.

Культурно-хронологическая атрибуция дана шлемам Истяцкого клада. Они отнесены к кушанским, датированным I–II вв. (Федорова, 2019. С. 65), или к парфянским, с ремаркой о дискуссионности региона происхождения (Негин, 2007. С. 344, 345). Шлем из Релки датирован VIII–X вв. (Чиндина, 1977. С. 32). Ю.И. Ожередов наиболее близким к старицынскому шлему считает шлем из Тураевского могильника, в связи с чем датирует первый широко — V–X вв. А.Л. Гордиенко отнес старицынскую находку к релкинской культуре (VI–IX вв.) (Гордиенко, 2019. С. 69. Рис. 38). Шлем Исаково-1 датирован первой половиной I в. и, по могильнику, отнесен к саргатской археологической культуре (Лурье, 2013. С. 289).

Авторы публикаций признают, что шлемы в Западной Сибири — предмет импорта. В.Н. Чернецов, ссылаясь на находки изображений шлемов на гравировках и литье, указывал на их распространенность в Приобье с конца I тыс. до н.э. (Чернецов и др., 1953. С. 163). Н.В. Федорова, напротив, считает, что появление боевых наголовий оказало влияние на развитие искусства населения севера Западной Сибири, выразившееся в появлении изображений шлемов к концу раннего железного века (Федорова, 2019. С. 99). Однако более на территории Западной Сибири были распространены простейшие типы боевых наголовий в виде

шапок с нашитыми на них костяными пластинами, экземпляры которых есть, в частности, в коллекции поселения-святилища Усть-Полуй (Гусев, 2017. С. 30–34).

Авторы “Угорского наследия...” высказывают мнение, что в начале I тыс. в таежной зоне Западной Сибири получили распространение высокие конические шлемы, которые в IV–V вв. сменяются низкими сферическими. В VIII в. последние были оснащены плюмажной втулкой и в таком виде бытовали до XVI–XVII вв. (Зыков и др., 1994. С. 50). Одна из авторов позднее уточнила, что в период позднего железного века, вплоть до рубежа I–II тыс. был перерыв в поступлении импорта, в том числе и шлемов, на территорию севера Западной Сибири (Федорова, 2019. С. 99).

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что появление шлема на курганном могильнике Юванаяг не связано с территорией Западной Сибири: на это указывают его морфологические особенности, датировка, а также крайняя редкость подобной категории находок в I тыс. за Уралом. Иначе обстоит ситуация в Вятско-Камском регионе в азелинско-мазунинское время: Р.Д. Голдина и С.Р. Волков пишут о 18 шлемах с территории Средней Камы и Вятки (Голдина, Волков, 2000. С. 98), С.Э. Зубов и О.А. Радюш — о “не менее чем 23 экземплярах с территории Прикамья” (Зубов, Радюш, 2014).

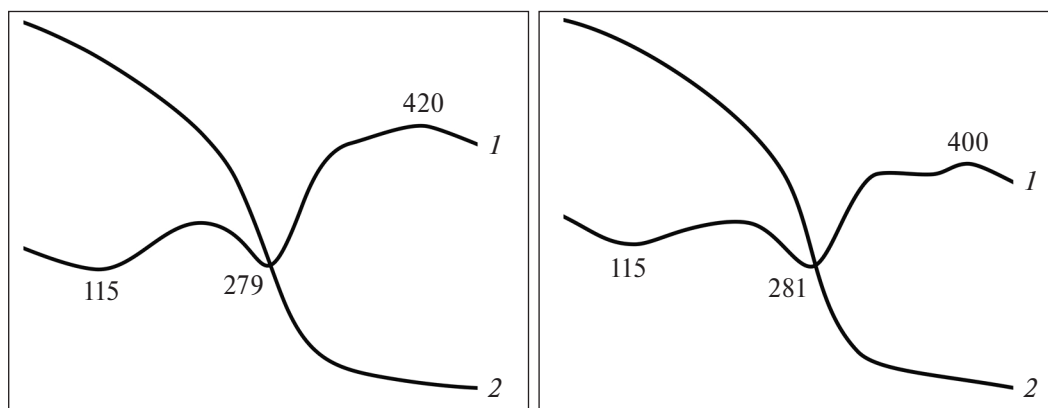


Рис. 7. Данные термического анализа железного материала воинского шлема. Кривые: 1 – нагревания, цифры на кривой – температуры эффектов, °C; 2 – потери веса.

Fig. 7. Thermal analysis data of the iron material in the helmet

С. 94), Р.В. Матвеев указывает, что “достоверно известно о 22 шлемах” первой половины I тыс. (Матвеев, 2014. С. 359). Как и в случае с западносибирскими шлемами, все исследователи высказываются в пользу высокого социального статуса людей, владевших подобным защитным снаряжением, относя их к немногочисленной прослойке профессиональных воинов (Бернц и др., 2015. С. 140; Казанцева, 2018. С. 218).

Шлемы Вятско-Камского региона неоднократно описаны в многочисленных публикациях, поэтому повторять все их характеристики не имеет смысла. Достаточно отметить, что исследователи сходятся во мнении о “западном”, римско-византийском, происхождении таких шлемов. Р.В. Матвеев обратился к их генеалогии и сделал вывод о смешанном римско-ближневосточном происхождении выделенных им типов (Матвеев, 2014. С. 360). Это же касается шлемов со Среднего Поволжья (Зубов, Радюш, 2014). О.А. Казанцева, без аргументации, в качестве источников поступления защитного снаряжения Кудашевского I могильника указывает два региона: Иран и Алтай (Казанцева, 2018. С. 219).

Появление боевых наголовий в азелинских и мазунинских могильниках объясняется проникновением в IV в. сравнительно небольшой военизированной группы населения европейского происхождения, разделившейся на два отряда (Голдина Волков, 2000. С. 102). А.А. Красноперов, напротив, отрицает масштабные миграции и высказывает точку зрения об “участии прикамского населения в военных

кампаниях на восточных рубежах Римской империи” (Красноперов, 2022. С. 274). Компромиссную версию, основанную на анализе шлемов азелинской археологической культуры, о разнонаправленности источников поступления и возможных причинах появления предлагает Н.А. Лещинская (2014б).

Несколько отличается от последней последовательно развиваемая точка зрения М.Л. Перескокова. Он признает факт проникновения на территорию Прикамья в третьей четверти IV – начале V в. небольшой военизированной группы, растворившейся в среде местного населения, но при этом оставившей “после себя погребальный обряд и ‘моду’ на элементы костюма и вооружение”. Военные погребения этого времени, распространенные на обширной территории, М.Л. Перескоков объединяет в рамках Тураево-Кудашевского культурно-хронологического горизонта, отделяя их от прикамских раннесредневековых культур (Перескоков, 2014).

Ряд признаков вятско-камских шлемов, характерных для вооружения римской армии и ее союзников, таких как нашечники, много-сегментная и ажурная каркасная конструкция, сферическая или близкая к ней форма, принципиально отличают их от шлема с Юванаягского могильника, что не позволяет говорить о его “западном” происхождении.

Итак, поиск аналогий уводит нас в более отдаленные регионы. Территориально ближайшая подобная находка – шлем № 1, найденный у с. Царицыно в Рязанской области (Ахмедов, Биркина, 2017; Кубик, Радюш, 2019). В пользу

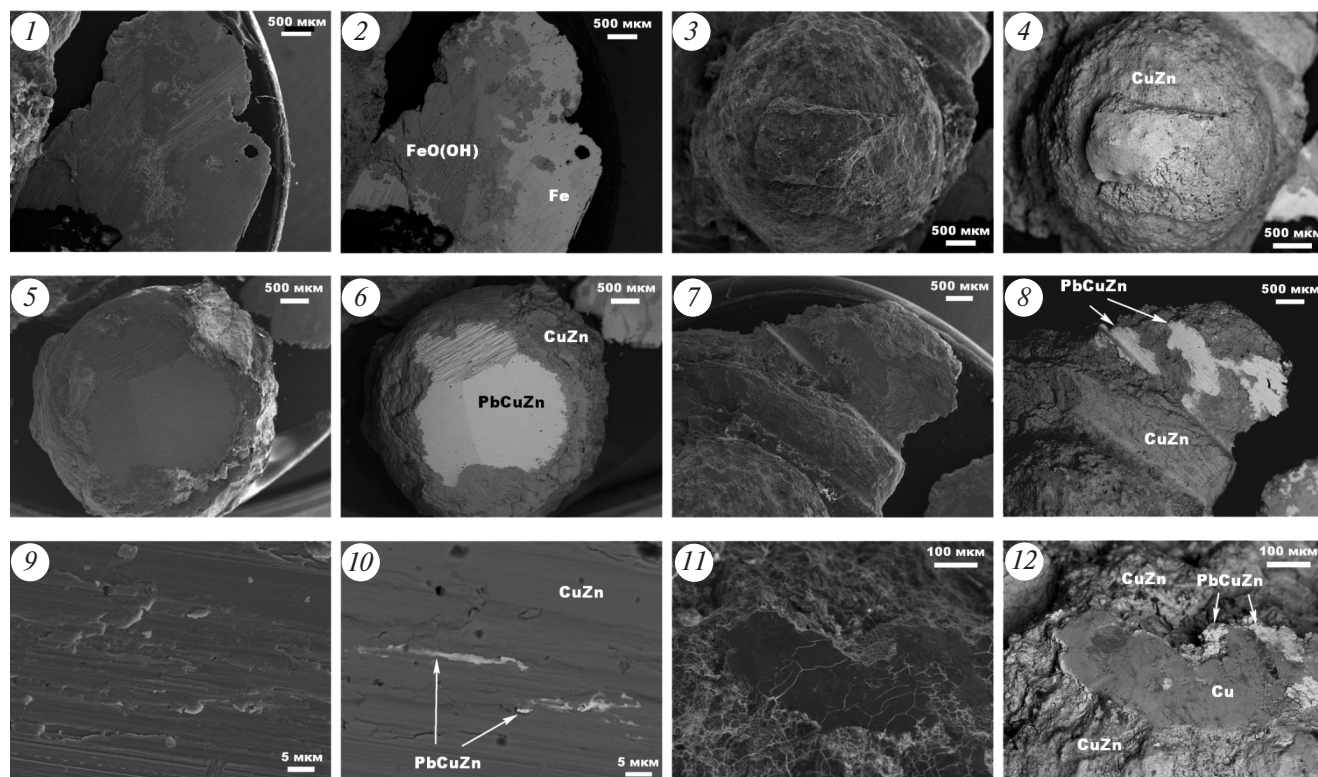


Рис. 8. СЭМ-изображения металлических и оксигидроксидных фаз на воинском шлеме. Объекты: 1, 2 – железная часть шлема; 3–12 – накладки. Фазы: Fe – железо, FeO(OH) – оксигидроксиды железа, CuZn – латунь, Cu – медь, PbCuZn – свинцово-медно-цинковые сплавы. Изображения в режимах вторичных (1, 3, 5, 7, 9, 11) и упруго-отраженных электронов (2, 4, 6, 8, 10, 12).

Fig. 8. SEM images of metal and oxyhydroxide phases in the helmet

их сходства говорят конструкция типа бандхельм, специфическая уплощенная вытянутая форма, способ крепления мелкими штифтами и декор в виде полусферических накладок-“жемчужин” по нижнему краю обода и на ленте, скрепляющей половины купола.

Шлем из Царицыно опубликован трижды (Ахмедов, Биркина, 2017; Негин, 2018; Кубик, Радюш, 2019). Авторы сходятся в датировке находки – вторая половина V – начало VI в., но придерживаются разных взглядов на место производства. Р.И. Ахметов и Н.А. Биркина относят его к типу St.Vid/Narona и не сомневаются в ранневизантийском происхождении (Ахмедов, Биркина, 2017. С. 236–238). Однако у шлемов типа St.Vid/Narona иные форма купола и способ крепления частей шлема, отсутствует декор в виде накладок из цветного металла. Поэтому можно согласиться с О.А. Радюшем и А.Л. Кубиком, что шлемы с конструкцией, подобной царицынской, могут предшествовать типу St.Vid (Кубик, Радюш, 2019. С. 88). В поиске

источков происхождения шлема они обращаются к ближневосточному контексту. Авторы приводят ряд аргументов о принадлежности царицынского шлема к образцам иранского вооружения. Среди них – форма конструкции (кросс-бандхельм), удлиненная, уплощенная с боков, напоминающая “колаф” – иранскую шапку-митру, украшение полусферическими накладками-“жемчужинами” (Кубик, Радюш, 2019. С. 85–88).

Описания иранских боевых наголовий в других источниках укрепляют это мнение. В.А. Дмитриев в своей монографии пишет: “Шлемы персов имели в целом однотипную конструкцию и восходили к парфянским образцам, т.е. отличались высоким сводом и приплюснутой с боковых сторон формой. При виде сбоку верхняя часть сасанидского шлема имеет округлые очертания, при виде же спереди – остроконечную конфигурацию. Как правило, боевые наголовья персидских воинов состояли из двух железных скорлупообразных пластин, которые

скреплялись друг с другом продольной, зачастую расширяющейся книзу полосой, укреплявшей и закрывавшей место их соединения. Кроме того, другая железная полоса образовывала нижнее основание персидского шлема” (Дмитриев, 2008. С. 76, 77). Схожее, но более краткое описание персидских наголовий дает А.Е. Негин (2007. С. 345).

Близкими признаками обладает шлем с Юванаягского могильника, что дает возможность поиска аналогий в ближневосточном регионе. Информация об известных экземплярах сасанидских шлемов (18 шт. на 2018 г.), собрана в археологическом каталоге (Шлемы и маски: Сасанидские шлемы [Электронный ресурс]). Однако обсуждение имеющихся данных о боевых наголовьях эпохи Сасанидов сопряжено с большими трудностями. Это обусловлено небольшим количеством вещей, отсутствием аналитических данных по ним, неопределенностью во многих случаях контекста находки, поступлением вещей из недокументированных источников при неясной общей ситуации в регионе нахождения. В силу всего этого в настоящее время сохраняется низкий уровень соответствующих знаний.

Несмотря на отсутствие гребня и наносника, юванаягская находка имеет морфологическое и конструктивное сходство со шлемом середины III в. из Дура-Европос. А.Е. Негин считает его прототипом образцы парфянского вооружения (Негин, 2007. С. 342), А.Л. Кубик и О.А. Радюш называют этот шлем сасанидским (Кубик, Радюш, 2019. С. 85). Также со шлемом из Дура-Европос сравнивают известную находку в могиле из Концешти — позднеримский гребневый шлем с двухчастной калоттой, датированный серединой IV — началом V в. (Фурасев, Шаблавина, 2019).

Другие схожие с юванаягским экземпляры — это бандхельмы из Ниневии, хотя последние отличаются тем, что имеют ребро жесткости на продольной пластине. А.Е. Негин относит их к месопотамской группе сасанидских шлемов V–VII вв., выдвигая гипотезу об их парфянском происхождении (Негин, 2007. С. 346). А.Л. Кубик и О.А. Радюш также ссылаются на них как на “непосредственно связанные с Сасанидской империей” (Кубик, Радюш, 2019. С. 86). Также

в качестве предлагаемой датировки для шлемов из Ниневии встречаются IV–V и V–VII вв.

Таким образом, шлем с Юванаягского курганного могильника имеет близкое сходство как с хрестоматийными образами защитного снаряжения эпохи Сасанидов, так и с находкой в окрестностях с. Царицыно и, вероятнее всего, имеет ближневосточное происхождение.

Остается открытым вопрос об источнике поступления шлема на европейский Северо-Восток. Авторам публикации неизвестны находки боевых наголовий в материалах ломоватовской и неволинской археологических культур Верхнего Прикамья, с которыми связывается появление курганных могильников на европейском Северо-Востоке. Отметим, что И.В. Босенко на основе анализа украшений указывала, что неволинское население поддерживало тесные связи с Сасанидским Ираном (Босенко, 2007. С. 79).

В определении источника импорта и датировки может помочь предполагаемый контекст находки — вещи из погр. 5 кургана I (рис. 2, 2, 3), в первую очередь поясная пряжка в полихромном стиле (рис. 2, 3). По мнению Ф.В. Овчинникова, она относится к полихромной гарнитуре типа Варна–Кара–Агач и датируется V в. (Овчинников, 2005. С. 61. Рис. 8), хотя в тексте публикации он проводит аналогии с вещами, датировка которых не выходит за рамки конца IV в. — комплексы из Тугозвонovo и Учкекен-Терезе (Овчинников, 2005. С. 50). Автор делает акцент на сарматско-аланской ювелирной традиции происхождения полихромной гарнитуры, к которой принадлежат вещи погр. 5 кургана I Юванаягского могильника (Овчинников, 2005. С. 51, 52).

Точка зрения Ф.В. Овчинникова относительно датировки пряжки была подвергнута конструктивной критике А.А. Красноперовым (Красноперов, 2019). Он относит пряжку с Юванаяга к наиболее поздним вещам в “умеренно-зерненом” полихромном стиле, появление которых “не ранее второй четверти IV в.”, но “индикаторов V в. в этих комплексах нет” (Красноперов, 2019. С. 110). Более конкретной датировки пряжки А.А. Красноперов не дает, а появление “умеренно-зерненого” полихромного стиля связывает с Ираном (Красноперов, 2019. С. 110, 111).

В.Ю. Малашевым разработана наиболее используемая в настоящее время периодизация позднесарматской ременной гарнитуры (Малашев, 2000), где пряжки с почковидным щитком, украшенные зернью и кабошонами, отнесены к группам IIIб и IV. Эти группы “северопричерноморского” полихромного стиля подробно проанализированы в статье С.А. Яценко и В.Ю. Малашева (2000), где соотнесены с хронологическими группами 3 и 4. Их датировка: “2–3 десятилетие IV в. — начало гуннской эпохи” и “не ранее середины IV в. с возможным заходом в начало V в.” соответственно. Центрами производства изделий в “северопричерноморском” полихромном стиле авторы считают Пантикапей и Херсонес (Яценко, Малашев, 2000. С. 229, 230).

А.Е. Негин отмечает, что “намного раньше римлян с клепанной двухчастной конструкцией среднеазиатских шлемов познакомились сарматы” (Негин, 2007. С. 342). А.Л. Кубик и О.А. Радюш также упоминают об “оживленных контактах между народами, живущими к северу от Черного моря и цивилизациями Среднего Востока” (Кубик, Радюш, 2019. С. 85). В настоящее время этот вопрос, как и другие, связанные с курганными могильниками эпохи Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке, остается далеким от окончательного решения.

Данная работа — первая попытка осмысления беспрецедентной находки, с практически утраченным, к сожалению, контекстом, с территории могильника Юванаяг, относящегося к эпохе Великого переселения народов на европейском Северо-Востоке. Судя по конструктивным особенностям, шлем генетически связан с парфяно-персидской оружейной традицией, хотя сейчас трудно сказать, был ли он изготовлен в мастерских Ирана эпохи Сасанидов или является подражанием им.

Датировка вещи затруднена, судя по предполагаемому контексту (пряжка), нижняя граница может находиться в пределах второй половины IV в. А.А. Красноперов на основе изучения полихромных накладок упоминает V в. в качестве датировки могильника Юванаяг, однако, без аргументации (Красноперов, 2022. С. 272).

Конечно, находки одной вещи недостаточны для реконструкции этнокультурных или

социально-исторических процессов, происходящих в середине I тыс. в Евразии. Однако немногочисленность сасанидских боевых наголовий и бандхельмов в целом делает значимым каждый новый найденный экземпляр. Дальнейшее, более углубленное изучение шлема способствует поиску ответов на вопросы, едва намеченные в настоящей работе: место и время его производства, особенности технологии, источник поступления на европейский Северо-Восток, аналогии. К тому же шлем является своего рода “трамплином” для решения более масштабных, давно вызревающих проблем: генезис курганных могильников на европейском Северо-Востоке, их хронология и периодизация, связи с синхронными памятниками на других территориях, особенности социальной организации, духовной культуры, историческая судьба носителей традиции сооружения курганных некрополей.

Авторы выражают благодарность сотруднику Института истории, языка и литературы Удмуртского Федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, к.и.н. А.А. Красноперову за консультативную помощь.

Работа выполнена в рамках плановой темы Сектора сохранения и популяризации археологического наследия на 2021–2025 гг. “Археологическое наследие европейского Северо-Востока: выявление, научное описание и систематизация” № ГР 121051400045-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов Р.И., Биркина Н.А. Шлемы из могильников рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию М.А. Обломского. М.: ИА РАН, 2017 (Раннеславянский мир; вып. 19). С. 235–248.
- Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях Вычегодско-Вятского отряда в 1987 г. // Научный архив Федерального исследовательского центра “Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук”. Ф. 5. Оп. 2. Д. 387.
- Ашихмина Л.И. Исследования Вычегодско-Вятского отряда в бассейне средней Вычегды // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми науч. центр Уральского отд. АН СССР, 1989. С. 3–5.

- Ашихмина Л.И.* О ритуальных нарушениях погребений эпохи Великого переселения народов в бассейне Вычегды (предварительные заметки) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: материалы междунар. конф. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2003. С. 184–187.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О., Каликов В.Н.* Минералы в раннесредневековой культуре народов Европейского Северо-Востока // Минералы в материальной культуре древних уральских народов: Информационные материалы. Свердловск: Ин-т минералогии, 1988. С. 19–26.
- Ашихмина, Л.И., Васкул И.О., Каликов В.Н.* К проблеме смены культур эпохи железа на Европейском Северо-Востоке // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1990. С. 97–106.
- Белицкая А.Л.* К вопросу о культурном единстве курганных могильников Европейского Северо-Востока // Российская археология. 2015а. № 2. С. 101–110.
- Белицкая А.Л.* Остатки деревянных конструкций на курганных могильниках Европейского Северо-Востока // Studia juvenalia. Вып. 3. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми науч. центра Уральского отд. РАН, 2015б. С. 6–18.
- Белицкая А.Л.* Целенаправленные разрушения погребений курганных могильников европейского Северо-Востока // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб.: ИИМК РАН, 2016 (Тр. ИИМК РАН; т. 46). С. 179–188.
- Бернц В.А., Черных Е.М., Липина Л.И.* Меч и всадник эпохи Великого переселения народов: комплекс погребения 11 Дубровского могильника в Южной Удмуртии // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 130–147.
- Босенко И.В.* Этнокультурные связи неволинской культуры (по материалам бронзовых украшений) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 4. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2007. С. 76–83.
- Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого перенаселения народов. Ижевск: Удмуртский республикан. краевед. музей, 1963 (Вопросы археологии Урала; вып. 5). 161 с.
- Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства Казанского филиала АН СССР, 1976. С. 55–108.
- Голдина Р.Д., Волков С.Р.* Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 98–122.
- Гордиенко А.В.* Средневековые Западной Сибири и Европы. М.: Русайнс, 2019. 232 с.
- Гусев А.В.* Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2016 гг. // Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 4–103.
- Дмитриев В.А.* Всадники в сверкающей броне: военное дело Сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 358 с.
- Зубов С.Э., Радюш О.А.* Шлемы среднего Поволжья в среднесарматское время // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 94–104.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 158 с.
- Казанцева О.А.* Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: материалы Всерос. науч. конф. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2018. С. 217–219.
- Красноперов А.А.* Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2019. С. 103–190.
- Красноперов А.А.* Внедрение в мазунинскую культуру тураевско-харинских групп: к дефиниции типов // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22, № 2. С. 269–283.
- Кубик А.Л., Радюш О.А.* Шлемы многосегментной конструкции у восточных врагов поздней Римской империи: находки из Царицыно (Рязанская обл.) и их место в оружейведческом дискурсе // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2019. С. 84–104.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014а (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции; т. 27). 472 с.
- Лещинская Н.А.* Древности I–V вв. Вятского края как источник по межкультурному взаимодействию в условиях Великого переселения народов // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014б. С. 345–347.
- Лурье Е.В.* Изображения шлемов с составным куполом на Боспоре и археологические реалии // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 284–292.

- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тыс. н.э. из некрополей Волго-Камья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 359–362.
- Негин А.Е. Позднеримские шлемы: проблема генезиса // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Т. 2. Саратов: Саратовский ун-т, 2007. С. 335–359.
- Негин А.Е. К вопросу об интерпретации шлемов из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно // Древние цивилизации: социум и человек: докл. конф. Ярославль: Филигрань, 2018. С. 47–65.
- Овчинников Ф.В. О происхождении харинской полихромной гарнитуры // Памятники эпохи камня, раннего металла, и средневековья Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми науч. центра Уральского отд. РАН, 2005 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 17). С. 47–61.
- Ожередов Ю.И. Старицынские находки // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 114–119.
- Перескоков М.Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань: Отечество, 2014. С. 379–382.
- Погодин Л.И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: Омский гос. ун-т, 1998. 84 с.
- Шлемы и маски: Сасанидские шлемы [Электронный ресурс] // Поздняя Римская Империя. URL: <http://late-roman.ru/arheologicheskij-katalog/shlemy-i-maski-sasanidskie-shlemy/> (дата обращения: 01.11.2023.)
- Федорова Н.В. Север Западной Сибири в железном веке: традиции и мобильность. Очерки. Омск: Золотой тираж, 2019. 149 с.
- Фурсов А.Г., Шаблава Е.А. Концешти: княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 244 с.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 35). 360 с.
- Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.
- Яценко С.А., Малашев В.Ю. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Stratum plus. 2000. № 4. С. 226–250.
- Miks K. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 56. Mainz, 2009. S. 395–538.

HELMET OF THE MIGRATION PERIOD FROM THE YUVANAYAG MOUND CEMETERY

Anastasiya L. Belitskaya^{a, #}, Evgeny V. Popov^{a, ###}, Valery I. Silaev^{b, ##}, **Vasily N. Filippov^{b, ####}**, and Anton F. Khazov^{b, #####}

^aInstitute of Language, Literature and History FRC Komi SC UB RAS, Syktyvkar, Russia

^bInstitute of Geology FRC Komi SC UB RAS, Syktyvkar, Russia

[#]E-mail: belitskaia522@yandex.ru

^{##}E-mail: evpopovich@bk.ru

^{###}E-mail: silaev@geo.komisc.ru

^{####}E-mail: filippov@geo.komisc.ru

^{#####}E-mail: akhazov@geo.komisc.ru

The article introduces first results of the research on an iron helmet found in 2022 at the Yuvanayag mound cemetery in the Vychegda River region, the Komi Republic. The mound cemetery belongs to the circle of the Veslyansky I type cemetery, which was left by migrants with a developed military culture. Its distinctive feature was the tradition of building mounds over graves. Those burial mounds are a reflection of the late Migration Period in the European North-East (5th–7th centuries AD). The found helmet of the Bandhelm type (after Ch. Miks's classification) is a unique specimen for the region, which also had no analogues in the adjacent territories. Based on mineralogical and geochemical studies, the helmet is made of iron with micro-inclusions of native aluminum and lignite carbon matter. The helmet overlays are made of brass with inclusions of lead-copper-zinc alloys and copper. Its elongated shape and decoration with hemispherical brass overlays are close to the helmets of Sasanian Iran. Geographically, the closest analogy to the Yuvanayag find is the Bandhelm from the predatory excavations near the

village of Tsaritsyno in Ryazan Region. Preliminary dating of the artefact from the Yuvanayag burial mound is the late 4th – 5th century AD.

Keywords: protective clothing, burial mound, European North-East, the Vychegda River basin, the Migration Period, Sasanian Iran, mineralogical analysis.

REFERENCES

- Akhmedov R.I., Birkina N.A., 2017. Helmets from burial grounds of the Ryazan-Oka Finns near the village of Tsaritsyno (preliminary report). *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdenie slavyanskikh kul'tur: k 60-letiyu M.A. Oblomskogo [Europe from La Tène to the Middle Ages: Barbarian world and the birth of Slavic cultures: to the 60th anniversary of M.A. Oblomsky]*. Moscow: Institut arkhologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 235–248. (Ranneslavianskiy mir, 19). (In Russ.)
- Ashikhmina L.I. Otchet ob issledovaniyakh Vychegodsko-Vyatskogo otryada v 1987 g. [Report on the research of the Vychegda-Vyatka detachment in 1987]. *Nauchnyy arkhiv Federal'nogo issledovatel'skogo tsentra "Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk" [Scientific Archive of the Federal Research Centre "Komi Scientific Centre of the Ural Branch RAS"]*, F. 5, Op. 2, D. 387.
- Ashikhmina L.I., 1989. Research of the Vychegda-Vyatka detachment in the middle Vychegda River region. *Arkheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzh'ya [Archaeological discoveries of the Urals and Volga region]*. Syktyvkar: Komi nauchnyy tsentr Ural'skogo otdeleniya Akademii nauk SSSR, pp. 3–5. (In Russ.)
- Ashikhmina L.I., 2003. On ritual disturbances of burials during the Migration Period in the Vychegda River region (preliminary notes). *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkheologicheskoe soveshchanie: materialy mezhdunarodnoy konferentsii [International (XVI Ural) archaeological session: Proceedings of the International conference]*. Perm': Permskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 184–187. (In Russ.)
- Ashikhmina L.I., Vaskul I.O., Kalikov V.N., 1988. Minerals in the early medieval culture of the peoples of the European North-East. *Mineraly v material'noy kul'ture drevnikh ural'skikh narodov: Informatsionnye materialy [Minerals in the material culture of the ancient Uralic peoples: Information materials]*. Sverdlovsk: Institut mineralogii, pp. 19–26. (In Russ.)
- Ashikhmina, L.I., Vaskul I.O., Kalikov V.N., 1990. To the change of the Iron Age cultures in the European North-East. *Vzaimodeystvie drevnikh kul'tur Urala [Interaction of ancient cultures of the Urals]*. Perm': Permskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 97–106. (In Russ.)
- Belitskaya A.L., 2015a. On the question of cultural propinquity of burial mounds of the European North-East. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 101–110. (In Russ.)
- Belitskaya A.L., 2015b. Remains of wooden structures in burial mounds of the European North-East. *Studia juvenalia*, 3. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, pp. 6–18. (In Russ.)
- Belitskaya A.L., 2016. Purposeful destruction of burial mounds in the European North-East. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simbolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya [Ancient necropolises and settlements: postfuneral rituals, symbolic burials and looting]*. St.Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 179–188. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, 46). (In Russ.)
- Bernts V.A., Chernykh E.M., Lipina L.I., 2015. Sword and horseman of the Migration Period: burial complex 11 of the Dubrovsky burial ground in Southern Udmurtia. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 15, pp. 130–147. (In Russ.)
- Bosenko I.V., 2007. Ethnocultural connections of the Nevolino culture (based on bronze adornments). *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]*, 4. Perm': Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 76–83. (In Russ.)
- Chernetsov V.N., Moshinskaya V.I., Talitskaya I.A., 1953. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya [Ancient history of the Lower Ob region]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 360 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 35).
- Chindina L.A., 1977. Mogil'nik Relka na Sredney Obi [The Ryolka burial ground in the Middle Ob region]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 192 p.
- Dmitriev V.A., 2008. Vsadniki v sverkayushchey brone: voennoe delo Sasanidskogo Irana i istoriya rimskopersidskikh voyn [Riders in shining armor: military art of Sasanian Iran and the history of the Roman-Persian wars]. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 358 p.
- Fedorova N.V., 2019. Sever Zapadnoy Sibiri v zheleznom veke: traditsii i mobil'nost'. Ocherki [The north of Western Siberia in the Iron Age: Traditions and mobility. Studies]. Omsk: Zolotoy tirazh. 149 p.
- Furas'ev A.G., Shablavina E.A., 2019. Kontseshti: knyazheskoe pogrebenie epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Concești: a princely burial of the Migration Period]. St.Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 244 p.

- Gening V.F., 1963. Azelinskaya kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Vyatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniya narodov [The Azelino culture of the 3rd–5th centuries AD. Studies in the history of the Vyatka land in the Migration Period]. Izhevsk: Udmurtskiy respublikanskiy kraevedcheskiy muzey. 161 p. (Voprosy arkheologii Urala, 5).
- Gening V.F., 1976. The Turaevo burial ground of the 5th century AD (burials of military leaders). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ya. Voprosy arkheologii Urala [From the archaeology of the Volga-Kama region. Issues of the Ural archaeology]*, 2. Kazan': Institut yazyka, literatury i iskusstva Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR, pp. 55–108. (In Russ.)
- Goldina R.D., Volkov S.R., 2000. Helmets from the Tarasovo burial ground. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 2, pp. 98–122. (In Russ.)
- Gordienko A.V., 2019. Srednevekov'e Zapadnoy Sibiri i Evropy [The Middle Ages of Western Siberia and Europe]. Moscow: Rusayns. 232 p.
- Gusev A.V., 2017. Collection of items made from bone and horn based on materials from excavations of 1993–1995, 2006–2016. *Arkheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic region]*, 4. Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya [Ust'-Poluy: Materials and research], 2. Ekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 4–103. (In Russ.)
- Kazantseva O.A., 2018. Protective clothes of warriors of the 3rd–5th centuries AD (based on materials from the Kudashevsky I burial ground). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie, posvyashchennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoy i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [XXI Ural archaeological conference to the 85th anniversary of G.I. Matveeva and the 70th anniversary of I.B. Vasilyev: Proceedings of the All-Russian scientific conference]*. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskii universitet, pp. 217–219. (In Russ.)
- Krasnoperov A.A., 2019. A buckle from the Brody burial ground (the Kama region) in the context of polychrome styles. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 4]*, part 2. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 103–190. (In Russ.)
- Krasnoperov A.A., 2022. Introduction of Turaevo-Kharino groups into the Mazunino culture: to a definition of types. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, vol. 22, no. 2, pp. 269–283. (In Russ.)
- Kubik A.L., Radyush O.A., 2019. Helmets of a multi-segment design among the eastern enemies of the late Roman Empire: finds from Tsaritsyno (Ryazan region) and their place in weapon studies discourse. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the Roman and Migration Periods. Conference 4]*, part 2. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 84–104. (In Russ.)
- Leshchinskaya N.A., 2014a. Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.) [Vyatka region in the Pyany Bor period (based on materials from burial sites of the 1st–5th centuries AD)]. Izhevsk: Udmurtskiy gosudarstvennyy universitet. 472 p. (Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 27).
- Leshchinskaya N.A., 2014b. Antiquities of the 1st–5th centuries AD in the Vyatka land as a source of intercultural interaction under the conditions of the Migration of Peoples. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 345–347. (In Russ.)
- Lur'e E.V., 2013. Images of helmets with a multi-segment dome in the Bosphorus and archaeological realities. *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon. Greeks and barbarians at the Eurasian crossroads: Proceedings of the international scientific conference]*. St.Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 284–292. (In Russ.)
- Malashev V.Yu., 2000. Periodization of belt sets of the late Sarmatian period. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbours on the Don]*. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232. (In Russ.)
- Matveev R.V., 2014. Helmets of the first half of the 1st millennium AD from the Volga-Kama necropolises. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 359–362. (In Russ.)
- Miks K., 2009. Relikte eines frühmittelalterlichen Oberschichtgrabes? Überlegungen zu einem Konvolut bemerkenswerter Objekte aus dem Kunsthandel *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 56. Mainz, pp. 395–538.
- Negin A.E., 2007. Late Roman helmets: the genesis issue. *ANTIQVITAS AETERNA. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal [ANTIQVITAS AETERNA. Volga Region journal of classical studies]*, 2. Saratov: Saratovskiy universitet, pp. 335–359. (In Russ.)
- Negin A.E., 2018. On the interpretation of helmets from the burial ground of the Ryazan-Oka Finns near the village of Tsaritsyno. *Drevnie tsivilizatsii: sotsium i chelovek: doklady konferentsii [Ancient civilizations: society and person: Conference reports]*. Yaroslavl': Filigran', pp. 47–65. (In Russ.)
- Ovchinnikov F.V., 2005. On the origin of the Kharino polychrome set. *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla, i srednevekov'ya Evropeyskogo Severo-Vostoka [Sites of the Stone Age, Early Metal Age, and the Middle Ages in the European North-East]*. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk,

- pp. 47–61. (Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka, 17). (In Russ.)
- Ozheredov Yu.I., 1987. Staritsa finds. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Military art of the ancient population of North Asia]*. Novosibirsk: Nauka, pp. 114–119. (In Russ.)
- Pereskokov M.L., 2014. Cultural and chronological horizon of Turaevo-Kudash: theoretical aspect. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani [Works of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]*, II. Kazan': Otechestvo, pp. 379–382. (In Russ.)
- Pogodin L.I., 1998. Vooruzhenie naseleniya Zapadnoy Sibiri rannego zheleznogo veka [Armaments of the West Siberian population in the Early Iron Age]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet. 84 p.
- Yatsenko S.A., Malashev V.Yu., 2000. On the polychromic style of the Late Roman time in Sarmatia. *Stratum plus*, 4, pp. 226–250. (In Russ.)
- Zubov S.E., Radyush O.A., 2014. Helmets of the Middle Volga region in the Middle Sarmatian period. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Herald]*, 14, pp. 94–104. (In Russ.)
- Zykov A.P., Koksharov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V., 1994. Ugorskoe nasledie: Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta [Ugric heritage: Antiquities of Western Siberia from the collections of the Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat. 158 p.
- Helmets and masks: Sasanian helmets (Electronic resource). *Pozdnyaya Rimskaya Imperiya [Late Roman Empire]*. URL: <http://late-roman.ru/arheologicheskiy-katalog/shlemy-i-maski-sasanidskie-shlemy>